В. ФРОЛОВ

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

О пьесе Н. Погодина «Сонет Петрарки»

1. Появление пьесы Н. Погодина вызвало интерес «Сонет Петрарки».

Название условно, нарочито книжное. Драматург написал пьесу с явным выполнением замысла и лицемерия, в конечном счете, почти пособной любви. Что же, и об этом можно писать не только сонеты, но и пьесы, повести и романы. Писали же классики о любви, которая была не только счастливой, но и несчастной.

Все это — истины бесспорные. Но еще у всех на памяти недавние времена, когда чуть ли из запретной считалась тема интимных взаимоотношений отношений «Гефеи» бесхлебобесплодно порождая умные схемы: не иметь пьесы тех времен трескучий звон пустых фраз заглушил человеческие мысли и чувства: герои пьесы должны говорить о любви, бежать своих чувств и по воле авторов становились не в меру разговорчивыми рассуждения, которые получали, утешали зритель бедного, не имеющего выхода.

Вот почему радуют поиски современных драматургов, пытающихся в своих пьесах понять самые сложные и неожиданные повороты в духовной жизни современника. Вот почему современно поднялись пьесы «Одна С. Алешина», «Женщина А. Корнейчукова», «Дениска А. Софронова», «Вечно зеленые» В. Розова — драмы, написанные с большой любовью к героям и к авторам, в которых авторы стремятся познать человека в личных и общественных связях, проникнуть в его внутренний мир. И эта тенденция, развитие которой было обидно прервано в нашей драматургии, вновь дает о себе знать в последнем заявлении. Без этой тенденции, развитие которой было обидно прервано в нашей драматургии, невозможно совершенно заявление. Без этой тенденции человеческой жизненности не может развиваться наша драматургия.

2. Новая пьеса Николая Погодина — произведение, в котором художник искренне хочет понять трагедии зрителя в своих разутных как жизнью. Автор не скрывает своего намерения: предостеречь современников от проникновения в мещанскую тупость и пошлость. Драматург неожиданно мешается в любом его проявлении. Это вовсе почувствовать сразу, как только прозвучит первая реплика Ксении Петровны — жена героя пьесы Сутоцкова. Надменная спесь и кажется неприкрытая лицемерие проявляются все внутренние ее жизненные. «Мадам Шымрены! — это фраза лучшие в ее устах как бывшей жены. — Нас на соленье не пустишь». Мещане Шымрены с тушами наслаждения будут стоять все самое святое, им ничего не стоит оклеветать человека, сочинить подлый донос. Все это они будут делать с наслаждением, упиваясь своим лицемерным мещанским горором. Узнав, что ее муж пьет пиво с девушкой, Ксения Петровна поняла, что тут дело серьезное: «Это не пиво-пивуль! пошлю-ка). Это настоящая любовь! И мещанка решила объявить войну любви. «Поэты — восклицает рыгочевальная пошлость, — Я вам дам поэзию!» Образ этот написан со страстью, в подчеркнуто гротесковой форме.

Есть в пьесе еще один образ, который выписан Погодиным с завидным мастерством: это образ Клары, исходной женщины, которая высмеяла «чувствующих», а сама и не знала, что такое любовь. Клара, которая ненавидит ирониями в выяснениями органы с моральным разложением человека. Клара внутренне очень напоминает Шымрену, но сейчас она дышит все то же мещанской пошлость, хотя она и не подозревает об этом. Ей кажется, что она ведет себя достойно, когда позвонит письма у Ивана. Клара, прежде чем отдать бесчестный товарищ сочиняет интимные письма, да еще девушке, — об этом надо немедленно сообщить, чтобы этого только вновь неприятных неприятностей. И прямо-таки человеческого сердца Клара усиливает материны для привлечения комсомольца к ответственности. Подлость Клары имеет более широкие основы, чем у мещанки, ведь Ксении Петровны, и об этом хочет сказать драматург в своей пьесе.

Пусть не подумает читатель, что образы Ксении Петровны и Клары занимают главное место в действии пьесы «Сонет Петрарки». Нет, они выражают лишь второстепенные, а основное внимание драматурга приковано к характеру Сутоцкова. О нем, по существу, и написана пьеса.

Кто же он, этот человек? Не идеал автора, не образец, приближенный к бесценной плеяде лежителей нашего времени. Он деятель, умерен, двадцать лет строил и теперь приехал на руководящую стройку на берега Ангары. Сам по себе, человечески возвышает своего героя, дает ему высокую оценку. Ответственный партийный работник Павел Михайлович, например, говорит о Сутоцкове: «Есть в нем что-то кирсевое, неуравновешенное».

Когда я услышал такую характеристику героя, мне подумалось: может быть, в Сутоцкове гнезда по-прежнему блеснем свои прекрасные дни спустя друг Грегорий Гай, незабываемый герой первой пятилетки, и которым целое поколение строителей новой жизни нашли волнующие свой образ, молодость. Как бы чудесно было, если бы Сутоцкого своим духовным миром напоминал нашего товарища тридцатых годов... Не проходит картина за каждым, движется действие, и в Сутоцкого мы как и до обнаруживаем черты, за что так полюбился каждый герой ранних пьес Погодина. Наши герои пламенны романтики и поэтичны. В литературе годы он нашел пристанище и чувство фанатичности.

Что же в нем неуравновешенного? В чем противоречит?

О грубом сугубо не по сознанию, а по делам. В пьесе, когда мы подобрали в анализу «драматургической инженерию» Погодинской пьесы, и тому, как действует Сутоцкого, также противоречия он проявляется, чем сказано поначалу автором. Мне кажется, что Погодин, сверхмиой идеей сказать честное и прямое о прямо не чтоносца на любовь, любовь, о нимем человеке идет борьба, ищет выражение в грохоканьем облике своего героя. Правда, если мы вспомним пьесу Погодина «Пирамидальный сонет» (она шла в Театре имени Станиславского лет пятнадцать назад), и которой драматург запишет правду на любовь, довольно постарешает профессора, то увидим, что «Сонет Петрарки» это тема об обновлении нашего трактовку. В «Пирамидальном сонете» герой влюбился в секретарку Антонину, уезжал с нею на ее прямоносить «медовый месяц» капоеданий любви. Это любовь развивалась, когда профессор узнал о письме Антониной в редактора, где она отравлению надеялась на увольнение профессора...

3. «Сонет Петрарки» Сутоцкого — чистый, возвышенной любовью любит Майю — скромненькую девушку из библиотеки. Его любовь — мечта. Этот сонет рода счастливой жизни проиллюзии, и отсюда все не ясно, не сделано в сердце. Не для него очень дорого сам его чувства. Ведь ничего не требует Сутоцкого от Майи. Он сам пишет письма, любуется и поклоняется Майе для него — поэтом, которую поет его сердце. И вот эти письма попадают в грязные руки Клары. Вскоре Сутоцкого вызывает таинственный человек — его старый друг, сержант Армандо предлагает ему, рассекает жене о том, что Сутоцкого выгоняет. Патерер Комонов с тупой настойчивостью заводит переговаривает с Сутоцкого вопросом: «Почему ты дома не почуешь?».

Как же ведет себя сам герой пьесы? Сначала он боится самого слова «любовь». В первой картине Армандо, встретив друга, предлагает ему: «Ты что влюблен? (гуляет один на бульваре, нибудь, не, теоретик); сержант прямо говорит Сутоцкому об этом.

Армандо. Тише... не кричи.

Армандо. Даже боишься.

Сутоцкого. Ты с ума сошел!. А — ты пиго брата, опишешь, как смотрит... Легенду создадут.

Здесь, мне кажется, драматургом начата тема, которая никак не является с позицией самого Сутоцкого. Допустим, что мы поверим: ему хвалюсь в объяснение Майе «ещё чуяном мнением», он напел и мне? — Нет, обязательно, сказал ей, что ему ничего не нужно и она отвечает: «Ты ничего не открыто: «Понимаю». Потом он написал ей одно, другое письмо. Так почему же он, Сутоцкого, человек, в котором есть «что-то на уровне», неудовлетворен, что смущает меня, почему с Армандо берет клятву: «Смотри, придешь — убью»? Почему человек, проживший большую жизнь, встретившись с Армандо, не сказал ему, требует от него только одного — уничтожить письма! Ведь в них поэзия, его жизнь. Неужели он боится Комонова, неужели трусит? Да, он трусит. Да он признается Майе, что, дескать, ему «не положена поэзия». И эта странная позиция сильного человека (правда, большой его душевной силы мы в пьесе не видим) не не трусливого обнаружив нашу минимум сложность самих чувств. Не понять, любит человек или его увлекает игра и любовь. В тяжем своей поэтической мансарды Сутоцкого рассуждают: «Три раза видел человека, а любим. Нет, это не любовь, а ее потребность... желание любви... мечта о какой-то необыкновенной девушке, которой не было и никогда у себя не будет. А сама Майя, может быть, довольно затрудняя и противительна женщина... И пусть! Пусть меня остаются мечтою. Только бы меня не потревожили...»

Сутоцкого дела не потревожили — на нее неожиданное признание и вместе с Сутоцкого человека трусоватого, слова бы он потерпит против нервов и вместе с Клаи и Майи готов сочинить — «сверхрадная и приятная» Армандо! В первой картине он сонет иначе рисовал окружению образ девушки. Армандо даже вспоминал Петрарку, его сонеты Лауре, и сравнивал Майю с Лаурой. А теперь Майя — заурядная девушка...

Но вот клевета обуглила чистые чувства Сутоцкого. Пострадал Клара. От утрою и доистина перешла Ксения Петровна: Ксения заурядная мещанка и «несравненная» дальше комментарии заявления, письма. Сутоцкого выдавают в обком. Здесь, видимо, бы и исчерпывается сюжет пьесы. Сутоцкого автор пытается подвергнуть действию в области философской дискуссии. Сутоцкого не только наказан. Он выступает философом любви. В первом акте герой говорит: «Нет, они не с жизнь прошли разведеть. Он правильно считает классовую ненависть чувством достойным и святым. Вспомним, как он обосновывает любовь к нашим обществе. Сутоцкого говорит «Коммунистическая Мадонна» — Теперь у нас враждебных классов действительно нет. Сравнивается, кого мы ненавидеть? Кого негодяи, отребье, мразь... Они достойны ненависти, а кого? Ненависть — и сегодня нужна. Я ведь говорю сейчас о большой ненависти. Кого я должен ненавидеть в своей стране? Может быть, перед учиться любить?

Если получить мы таким признанием, то выходит, что у нас теперь — чувствуется, уже в области предания чувство классовой ненависти, можно, значит, и у нас есть классы, забыть, что мы живем в эпоху диктатуры пролетариата, укоренился, разворушился. Нет, это так мы понимаем нашу ненависть к тому, что мешает нашему движению вперед. Да и сам Погодин в своей пьесе хорошо показал, какую силу еще имеет мещанство, и как он ненавидит пошлость в людях и окружающих.

Сутоцкого хочет «учиться любить». Хорошо. Он уже любит. Теперь, когда он сидит в обкоме, почему бы ему не рассказать о своем чувстве? Но его принимальны не дает ему возможности. Его бывшие обкомы. Но что мешает ему бы сделать — теперешним со своим старым товарищем, работник горкома? Нет, бы же герой чувствует отношение к нему Армандо? Сутоцкого снова пытается справиться свое мнение. Послушаем его самого. «...Ты человек с лучшим, с разумом, — говорит он Павлу Ивановичу. — Ты, конечно, что опять-таки есть вещи, которые выше высказать ты не сумеешь. Вот бы политическая лекция, тогда ты мне сказал... Я так мечтаю. И партия — ведь она — мечта. Я верит же быть у человека какие-то интимные стороны жизни и которые он не станет посвящать никого. Просто не обязан, нет такого принципа».

Вот, видит, как и почемуки, герой Погодина. Не чувствует герой по-настоящей любви, то проповедует индивидуализм. Да, мы против доносонского, мягко говоря, «кислотного», против грубых прорабатов и кампаний в лучших коммунистов. Но же отношение прямо коммуниста быть откровенным перед партией, тем более, когда это касается чистой, настоящей любви? И вот не пьеса Сутоцкого, когда пьеса в тем, что он всем дому отдает партии, так почему же он не открыл своей лучшей? Я думаю, что здесь «затаёнка» со стороны самого драматурга, поставившего своего героя в такое стеснительное положение. Автору надо было, чтобы действие продолжалось, чтобы Павел Михайлович вызвал Клару с письмами Сутоцкого к Майе, чтобы Сутоцкого с Майи, чтобы, наконец, в обком явился сержант Армандо, предавший друга. Все это потребовалось Погодину для продолжения действия, хотя уже в этой, пятой картине почти все основные драматургические материалы залуманной пьесы, и преждевременно не нужно, «сверхмиого» автр наступила пиарод пиесенных развязок.

Все последующие действия слишком затянуты. Нельзя не очень сожалеющие для драматургии пьесы сцены: много разговора вместо действия в седьмой картине; встречным пионером выгоняет сцена в гостиницу, показывающая, как сексотчики сдают Армандо и как его выбрасывают (рекламируется и дает деньги на железнодорожный билет). Сутоцкого, еще раз обнаруживший свои домашние показания в, в общем-то, достаточно благородстве.

Что же стало с героем пьесы? О нем прежнему говорит, что это — большой человек, мыслящий, честный, что он крупный строитель. Но как проявляется стройка он показывает Погодиным только тем, что при помощи гражданской авиации хочет встретить комаров и не этому поводу вмешаться в область. Иногда лишнее вид чертежам, а в данном случае встречается с Майей. На этом раз их разлучает пожар в тайге. Их встреча заносена от тоски, сбросит пышных самоцвет или нет. Если сбросит — значит «пожалуй, ждут дела до спасения стройки от огня. И пышных сбросим. Им нужно насеться. Здесь в горелых домах Майя опять отдыхается для любой-то бесконечной встречи Сутоцкого: он «заинтонтонцовал» девушку письмами, нужно и философствовать, а в пожаре не получишь. «Ну как-то про меня говорит любит...» — говорит Майя.

Есть ли в нем что-то «интеллидное»? Бесполезные хлопоты, мелкие терзания лишнего его поступками или жажда прогнуть своего счастья? И то и другое есть в характере Сутоцкого, но есть и что гражданского мужества, чарующей смелости, того, что увлекало бы нас, открывало бы могучие силы нашего современника. Герой пьесы в данном рассуждении философские доки, которые которых сам так горячо бодрился.

4. Говорит, что жизнь пьесы начинается с театра. В этом еще раз убеждаемся, когда смотришь спектакль «Сонет Петрарки» в Ленинградском театре имени Вл. Маяковского. Бережно, с верой в таланты драматурга поставили эту пьесу в театре. Постановщики спектакля Е. Соловьев приняли торопцу выгнуту в сценическое вопиющие грубо, ярко, тупо, не впадая в сентиментальность, известть из пьесы все не лучшие возможности. Чистоты и поэтичности нет от спектакля. Много в нем света, есть поиски характеров. И все-таки у меня осталось ощущение неудовлетворенности. Внешними сценическими средствами — ни пристойно мизансцен, ни свободным обращением с открытой театральной площадкой, — нечем полным скрыть пустоты в главном — в содержании пьесы, в ее глубинных течениях.

Мне не хочется упрекать Н. Самойлова, который делает все, чтобы дать и спасть розыгрыш в поисках образа Сутоцкого. Я вижу, как автор искренно, с присущим ему темпераментом хочет принцкрыть в сценическом лучшие движения своего героя, как мечется и страдает его Сутоцкого, как ищет выхода, как ищет возможности любовь. Однако что он может сделать, например, в сцене, когда в обкоме объясняется с Павлом Михайловичем (эту роль, кстати в ней не очень-то много материала для актера, великолепно проводит от начала до конца Ц. Свердлин). Перед Сутоцкого — Самойловым сидит пожилой и больной его друг, который требует от коммуниста объяснений. Не смотрит ему в глаза Сутоцкого. Что же здесь играть автору? Обиду? Да, обиду человека, которого оскорбили. Но ведь эта обида построена на песке. Драматургия пьесы слишком поспешна, не дает ему материала для глубоких переживаний. И не только в этой сцене.

Вера Орлова все время пытается (и это чувствуется на всем спектакле) что, чтобы как-то оживить жизненную стратегию роль Майи. Чудесно проводит актриса сцену в обкоме. Она здесь — вся в напряжении, ей хочется защитить себя в своего друга Сутоцкого, ей больно разговор идет своего и другого: о Демиурге, о ее любви, о чувствах и о нарушениях каждого коммуниста. И в этой своеобразной крайне-лирике вдруг обнаруживается, что Майя — Орлова говорит о самом важном и для себя, и для других. Талант Орловой искренне молодости и сердечности. Но что же может сделать образ Майи так и не выгнанным. И не вина в этом Орловой.

В. Лебинцов в роли Ленинова пытает довольно скупые, но убедительные краски для характеристики чудного почитателя. Сатирическая острый, прямой портрет Ксении Петровны сыграет актриса Н. Мосальская, обладала в широких почти что советской залы: чванливо и грубо мещанку. Можно писать и о других актерских работах, поскольку спектакль поставлен поспешно. Но и ставили перед собой такой задачи. Спектакль, по-моему, на этой ярмарке неудовлетворенности, потому что Н. Погодин, подошедший чутко, утверждений в трудящиеся годы героическую тему в театре, полез сильных и пытливых людей, на этот раз не так широкого выхода своим героям и вина большой сценической жизни.

Справедливо будет оценить спектакль «Сонет Петрарки» как своеобразный поиск театра в жанре неизобличительной драмы. Как всякий поиск, он скорее, подтвердит сторону, чем обнаружит ответ. Мосальская, обладала в широких почти что советской залы: чванливо и грубо мещанку. Можно писать и о других актерских работах, поскольку спектакль поставлен поспешно. Но и ставили перед собой такой задачи. Спектакль, по-моему, на этой ярмарке неудовлетворенности, потому что Н. Погодин, подошедший чутко, утверждений в трудящиеся годы героическую тему в театре, полез сильных и пытливых людей, на этот раз не так широкого выхода своим героям и вина большой сценической жизни.

Справедливо будет оценить спектакль «Сонет Петрарки» как своеобразный поиск театра в жанре неизобличительной драмы. Как всякий поиск, он скорее, подтвердит сторону, чем обнаружит ответ. Мосальская, обладала в широких почти что советской залы: чванливо и грубо мещанку. Можно писать и о других актерских работах, поскольку спектакль поставлен поспешно. Но и ставили перед собой такой задачи. Спектакль, по-моему, на этой ярмарке неудовлетворенности, потому что Н. Погодин, подошедший чутко, утверждений в трудящиеся годы героическую тему в театре, полез сильных и пытливых людей, на этот раз не так широкого выхода своим героям и вина большой сценической жизни.

Справедливо будет оценить спектакль «Сонет Петрарки» как своеобразный поиск театра в жанре неизобличительной драмы. Как всякий поиск, он скорее, подтвердит сторону, чем обнаружит ответ. Мосальская, обладала в широких почти что советской залы: чванливо и грубо мещанку. Можно писать и о других актерских работах, поскольку спектакль поставлен поспешно. Но и ставили перед собой такой задачи. Спектакль, по-моему, на этой ярмарке неудовлетворенности, потому что Н. Погодин, подошедший чутко, утверждений в трудящиеся годы героическую тему в театре, полез сильных и пытливых людей, на этот раз не так широкого выхода своим героям и вина большой сценической жизни.